

Богословское и религиозное образование

Протоиерей Борис Пивоваров,
председатель Отдела образования Новосибирской епархии,
настоятель прихода Всех Святых в земле Российской
просиявших

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о правовых основах и реальных возможностях Русской Православной Церкви заниматься духовно-просветительной и образовательной деятельностью в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в настоящее время приобретает все большую актуальность.

Для того чтобы по ходу изложения не возникло терминологических затруднений, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

1. В настоящей статье речь будет идти об образовательной деятельности **только** Русской Православной Церкви. Ныне действующая Конституция Российской Федерации (принята 12 декабря 1993 г.), провозглашая, что Российская Федерация является светским государством (ст. 14, п. 1), определяет, что *«религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом»* (ст. 14, п. 2). Поэтому к большинству утверждений автора статьи можно было бы делать оговорку: *«это касается не только Русской Православной Церкви и ее субъектов, но и других зарегистрированных религиозных объеди-*

нений Российской Федерации». Но в настоящей статье таких оговорок не предусмотрено, так как, во-первых, автор не ставит своей целью осветить рассматриваемую проблему относительно всех зарегистрированных в Российской Федерации религиозных объединений, а во-вторых, и исторически, и онтологически для Русской Православной Церкви эта проблема имеет особую значимость.

В качестве свидетельства можно привести извлечение из преамбулы ныне действующего Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (принят 26 сентября 1997 г.). Определяя (согласно Конституции) Российскую Федерацию **светским государством**, этот закон в то же время **«признает особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»**. Поэтому можно говорить и об особой ответственности Русской Православной Церкви перед российской школой и всей российской системой образования.

2. Гражданское законодательство Российской Федерации **не делает различия** между **духовно-просветительной** и **образовательной** деятельностью Русской Православной Церкви. Между тем, такие различия имеют место.

Под **образовательной деятельностью** Церкви в настоящей статье подразумевается ведение регулярных занятий в соответствии с учебным планом, целями и задачами обучения, а также в соответствии с ожидаемыми результатами, которые можно проверить.

Под **духовно-просветительной деятельностью** Церкви автором подразумеваются: разовые встречи и беседы священнослужителей или квалифицированных православных педагогов с учащимися светских учебных заведений, организация православных книжных выставок и концертов, которые могут проводиться не только в стенах школы, но и в музеях, в концертных залах, а также при храме или, например, в помещении воскресной школы прихода. Сюда же можно отнести и выпуск православной педагогической литературы, и проведение семинаров и конференций для преподавателей и учащихся светских школ, и многие другие виды духовно-просветительной работы, которые уже ведутся и не требуют лицензирования. Рождественские Чтения, проводимые в Москве и в целом ряде епархиальных центров, также могут быть отнесены к духовно-просветительной деятельности Русской Православной Церкви.

В настоящих материалах речь будет идти именно **об образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и**

муниципальных образовательных учреждениях, так как эта деятельность прежде всего и более всего требует правового обеспечения.

С церковной точки зрения понятно, что образовательная деятельность Русской Православной Церкви, если она проводится на должном уровне, имеет очень важное духовно-просветительное значение. Это косвенно подтверждает и инструктивное письмо Министерства образования от 4 июня 1999 года, в котором говорится, что рекомендации Министерства направлены, в частности, *«на взаимодействие государственных и муниципальных образовательных учреждений с конфессиями в целях объективного показа роли и значения религии в истории России и цивилизации в целом, усиления духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения»*. Поэтому по мере развития взаимодействия государственных и муниципальных образовательных учреждений с Русской Православной Церковью будут расширяться и возможности для духовно-просветительной деятельности Церкви.

Но если для проведения какого-либо разового мероприятия в светском учебном заведении (выставки, концерты, встречи) требуется только добрая воля администрации данного образовательного учреждения (хотя ярые противники любых контактов школы с Церковью, если они во власти, могут и за это «поставить на вид...»), то для систематических занятий по церковным предметам требуется то, о чем говорится в упомянутом письме Министерства образования от 4 июня 1999 года. Поэтому данная статья касается **образовательной** деятельности Русской Православной Церкви, распространяемой на государственные и муниципальные образовательные учреждения.

3. Требуется также уточнить термин **«светское учебное заведение»**. В настоящее время имеется целый ряд негосударственных учебных заведений, которые по своей организационно-правовой форме могут быть частными или общественными школами. Будучи негосударственными образовательными учреждениями, они сами решают вопрос об обучении или необучении детей религии, т.е. решение вопроса о преподавании или непреподавании в них религиозных дисциплин принимается руководством этих учебных заведений.

В отличие от негосударственных школ для государственных и муниципальных образовательных учреждений законом предписывается светский принцип образования. В связи с этим в нынешней учебной практике школ порой и возникают острые правовые проблемы, касающиеся образовательной деятельности Русской Православной Церкви. Поэтому в настоящей статье не будут употребляться термины «светская школа», «светские учебные заведения». В соответствии с принятой Министерством

вом образования терминологией речь будет идти о государственных и муниципальных образовательных учреждениях — светских не только потому, что они учреждены нерелигиозными органами, но потому, что на них в обязательном порядке распространяется светский принцип образования.

По отношению к рассматриваемому вопросу (образовательная деятельность Церкви) государственные и муниципальные образовательные учреждения находятся почти в равном положении. И для тех, и для других обязательны законы и подзаконные акты, касающиеся вопроса о правах всех детей на получение религиозного образования и воспитания.

В связи с вышесказанным для справки можно напомнить ст. 12, п. 3 Федерального закона «**Об образовании**» (принят 12 июля 1992 года с внесенными изменениями и дополнениями, одобрен Советом Федерации 5 января 1996 г.): «*Образовательные учреждения по своим организационно-правовым нормам могут быть государственными, муниципальными, негосударственными (частными, учреждениями общественных и религиозных организаций (объединений))*».

Со времени вступления в силу этого Федерального закона наряду с другими негосударственными образовательными учреждениями стало возможным официально учреждать православные гимназии, православные лицеи, другие общеобразовательные православные учебные заведения. Данная статья правовой основы православных общеобразовательных учебных заведений не касается.

4. Государственное законодательство не дает определение слову «религия», хотя устанавливает такие понятия, как «религиозное объединение», «религиозная группа». Не раскрывается также и понятие «религиозное образование», хотя именно так озаглавлена 5-я статья Федерального закона «**О свободе совести и о религиозных объединениях**». Этот Федеральный закон пользуется такими понятиями, как «*получение религиозного образования*», «*возможность обучать детей религии*» (ст. 5, пп. 1 и 3), «*свобода совести и свобода вероисповедания*» (преамбула закона), «*реализация права на свободу совести и свободу вероисповедания*», «*дискриминация в зависимости от отношения к религии*» (которая, естественно, законом не допускается) (ст. 3, п. 3). Из прежних антицерковных законодательных актов в нынешнем Федеральном законе «**О свободе совести и о религиозных объединениях**» сохранилось выражение о «*вовлечении малолетних в религиозные объединения*» (ст. 3, п. 5). Это «вовлечение» данной статьей закона воспрещается, как будто все существующие в Российской Федерации религиозные объединения представляют собой преступные сообщества.

Употребляемые в законе «Об образовании» термины, касающиеся религии, будут и в настоящей статье употребляться в общепринятом смысле — так, как это определено в рекомендательном письме Министерства образования от 4 июня 1999 года: «Под обучением религии в данных рекомендациях подразумевается духовно-нравственное воспитание и преподавание основ вероучения». К этому нам можно было бы добавить только одно слово: «основ православного вероучения». Без православного воспитания не может быть и православного обучения. И примечание, содержащееся в письме Министерства образования, как нельзя лучше выражает эту аксиому.

Раздел 1. ПРЕДЫСТОРИЯ ВОПРОСА

Отчуждение школы от Церкви — это начинание не русское, а подобно всем революциям — западное. Идею обесцерковления общеобразовательных учебных заведений российские социал-демократы унаследовали напрямую от немецких социал-демократов. В 1918 году Литературно-издательским отделом Народного комиссариата по просвещению был издан солидный труд Гейнриха Шульца «Школьная реформа социал-демократии» (перевод с немецкого Н. Олигер), написанный автором в 1911 году. В разделе «Светскость обучения» (с. 77–103) рассматриваются вопросы о необходимости реформы или отмены преподавания Закона Божия, о вероисповедных и «общих» школах, о вероисповедном преподавании Закона Божия.

Социалистический идеал школы немецких социал-демократов — это школа, в которой устранено преподавание Закона Божия. «Первым и важнейшим шагом к осуществлению светской школы является устранение преподавания Закона Божия», — писал Г. Шульц (с. 79). Социал-демократы критиковали и вероисповедные (конфессиональные) школы, и попытки устроить так называемые смешанные школы, где преподавание Закона Божия должно было преобладать над всеми вероисповеданиями.

Основной тезис немецких социал-демократов относительно школьного вопроса гласил: «Школа есть учреждение государственное, религия же — дело частное». Этот тезис нашел отражение в названии Декрета Совета народных комиссаров **«Об отделении церкви от государства и школы от церкви»** (от 23 января 1918 г.). Первый пункт Декрета в проекте формулировался так: *«Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики»* (текст Декрета готовили А. Луначарский, П. Стучка, П. Красиков и др.). В.И. Ленин в тексте поданного ему проекта собственноручно зачеркнул этот первый пункт и написал: **«Церковь отделяется от государства»**.

Но еще ранее принятия и опубликования этого Декрета, а именно 11 декабря 1917 года, за подписью В.И.Ленина было издано постановление, согласно которому из Духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению изымались «все церковно-приходские (начальные одноклассные, двухклассные) школы, учительские семинарии, женские епархиальные училища, миссионерские школы, академии и все другие, носящие различные названия, низшие, средние и высшие школы и учреждения Духовного ведомства со штатами, ассигновками, движимым и недвижимым имуществом, то есть со зданиями и надворными постройками, с земельными участками под зданиями и необходимыми для школ землями и усадьбами (если таковые окажутся), с библиотеками и всякого рода пособиями, ценностями, капиталами и процентными бумагами и процентами с них и со всем тем, что предназначалось для вышеозначенных школ и учреждений»¹.

Приведенный перечень изъятого у Русской Православной Церкви довольно красноречиво свидетельствует, во-первых, о том, что советская школа начиналась не с нуля, а во-вторых, показывает — чем была продиктована необходимость в столь поспешном отделении школы от Церкви и в чем состояла экономическая сторона этого отделения.

Несколько позже (в начале января 1918 г.) постановлением Народного комиссариата по просвещению во всех учебных заведениях была упразднена должность законоучителя.

Необходимо отметить, что в деле насильственного изъятия у Церкви общеобразовательных школ у Народного комиссариата по просвещению в России были предшественники — члены Временного правительства. Еще 20 июня 1917 года Временное правительство издало закон о передаче всех церковно-приходских школ в ведомство Министерства Народного Просвещения.

В сложившейся тогда ситуации ряд церковных деятелей, которые особо остро чувствовали дыхание грядущих перемен, на Всероссийском Поместном Соборе 1917—1918 гг. (который избрал Патриарха Тихона) сделали попытку защитить образовательную деятельность Русской Православной Церкви.

23 октября 1917 года, за два дня до «залпа Авроры», Священный Собор Православной Российской Церкви (так она тогда официально именовалась) принял **«Определение по поводу правительственного законопроекта о церковно-приходских школах»**. В этом документе Всероссий-

¹ *Персиц М.М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР.— М.: Изд. Академии наук СССР, 1958, с. 100—101.

ский Поместный Собор Православной Российской Церкви засвидетельствовал, что *«передача церковно-приходских школ в ведомство Министерства Народного Просвещения причиняет большой вред Православной Церкви в ее христианско-просветительной деятельности, внезапно отнимая у православных приходов незаменимое средство выполнять свое важное назначение»*. Далее в «Определении» говорилось о проекте, выработанном в Министерстве Народного Просвещения в дополнение к закону от 20 июня 1917 г.: *«Этот законопроект обнаруживает очевидное стремление к уничтожению самого типа церковно-приходских школ»*. *«Жертвователи или завещатели не могли предполагать, чтобы вопреки их воле церковно-приходские школы были обращены в школы иного типа»*¹.

В Декрете Совета народных комиссаров **«Об отделении церкви от государства и школы от церкви»**, опубликованном 23 января 1918 г. в газете «Известия», 9-й пункт гласил: *«Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается. Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом»*.

Многие десятилетия этими так называемыми ленинскими принципами советская власть руководствовалась в деле изоляции школы от Русской Православной Церкви. Когда крестьяне, православные люди, недоумевали, почему «не велят учить Закону Божию, ибо от Закона Божия больше кротости и боязни греха», то получали, например, такой ответ: *«Советская школа — есть школа общественная, которая преподает только научные истины и бесспорные знания, добытые всем трудящимся человечеством»*².

Выступая на общем собрании Совета приходских общин г. Москвы, священник Андрей Полозов, прочитав 9-й пункт Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», сделал вывод, что «девятым пунктом Декрета объявляется, в сущности, настоящее гонение на Веру Христову и Русскую Церковь»³.

¹ Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. — М., 1994, с. 16, 20.

² Такой ответ, в частности, был получен крестьянами деревни Поддубной, которые осмелились высказать верховной советской власти свое недоумение. См.: Персиц М.М. Цит. соч., с. 114–116.

³ Персиц М.М. Цит. соч., с. 147.

Далее, если в тексте первой советской Конституции (1918 года) еще говорилось: «*В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами*» (ст. 13), то в тексте сталинской Конституции (1936 года) уже отсутствовали слова о «свободе религиозной пропаганды», а речь шла лишь о «свободе антирелигиозной пропаганды»: «*В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами*» (ст. 124). Не случайно в то время говорилось, что сталинская Конституция призвана была закрепить окончательную победу социализма в СССР.

Но для реализации возможности Русской Православной Церкви заниматься образовательной деятельностью (фактически же речь шла о полном запрещении таковой) гораздо большее значение, чем сталинская Конституция, имело **Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О религиозных объединениях» (от 8 апреля 1929 года)**. Именно это Постановление (с немногими изменениями и дополнениями) было основным законодательным актом, посредством которого Церкви вплоть до 1990 года категорически воспрещалось проводить какую бы то ни было миссионерскую, образовательную и благотворительную деятельность.

17-я и 18-я статьи указанного Постановления гласили:

«Ст. 17. Религиозным объединениям ВОСПРЕЩАЕТСЯ:

а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей;

б) оказывать материальную помощь своим членам;

в) организовывать как специальные детские, юношеские, женские, молитвенные и другие собрания, так же как и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, **по обучению религии** и тому подобные собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь.

В молитвенных зданиях и помещениях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа».

«Ст. 18. Не допускается преподавание каких-либо религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях. Такое преподавание может быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами СССР с особого разрешения Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, а на территории автономных республик — с разрешения Центрального исполнительного комитета соответствующей автономной республики»¹. (Среди трех подписей под документом первая подпись — М. Калинина.)

Именно этим Постановлением образовательной деятельности Русской Православной Церкви был нанесен решительный удар. Так, если к началу 20-х годов в стране были насильственно закрыты 4 Духовные Академии, 58 Семинарий и более 100 Духовных училищ (не говоря уже о церковно-приходских школах, отобранных ранее), а также решительно пресекались попытки создания религиозно-философских высших курсов (например, священником П. Флоренским в Москве и протоиереем Г. Чуковым в Петрограде), то с момента выхода в свет Постановления 1929 года и вплоть до 1944 года образовательная деятельность Русской Православной Церкви была практически полностью прекращена. Не было **ни одного** образовательного учреждения Русской Православной Церкви! Закрыты были и **все** специальные учебные заведения, которые готовили кадры священнослужителей.

Вышеприведенные 17-я и 18-я статьи Постановления ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 года свидетельствуют, что борьба с Церковью касалась не только запрещения образовательной деятельности Церкви, но и всякой вообще церковной деятельности. Наступали 30-е годы, готовилась «безбожная пятилетка», целью которой было полное искоренение Церкви, а потом и упоминания о Боге и о Церкви. «Союз воинствующих безбожников» готовился полностью «отменить религию».

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. отменила планы воинствующих безбожников. С началом войны был приостановлен выход в свет журнала «Безбожник», а после войны он сменил свое наименование и стал называться «Наука и религия». В последние военные и первые послевоенные годы были образованы тысячи приходов, вновь открыты более 50 монастырей. В 1944 году были организованы первые Богословско-пастырские курсы, вскоре преобразованные в Духовные Семинарии, а появившийся вскоре же Богословский институт в последующем был

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, № 35, 18 мая 1929 года.

преобразован в Московскую Духовную Академию. Очень медленно Русская Православная Церковь все-таки стала возрождать тогда свою образовательную деятельность, правда, пока только в деле подготовки кадров священнослужителей.

В начале 50-х годов XX века в СССР то начиналась очередная кампания по усилению атеистической пропаганды, то ЦК КПСС неожиданно принималось очередное постановление **«Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»** (например, от 10 ноября 1954 г.).

В середине 1958 года под руководством Н.С.Хрущева началось новое гонение на Русскую Православную Церковь. Опять закрывались тысячи храмов, и многие из них сразу же были разрушены. Из 69 монастырей 50 были насильственно закрыты. Из 8 Духовных Семинарий осталось лишь 3.

В 1964 году был учрежден Институт научного атеизма при Академии общественных наук при ЦК КПСС. Тысячи работников общества «Знание» были направлены на борьбу с Церковью. Н.С.Хрущев гордо заявлял, что «в коммунизм религию мы не возьмем» и даже назначил срок наступления «светлого» будущего (1980 год). К наступлению коммунизма он обещал «показать последнего советского попа по телевидению».

С 1961 года начинается усиленное давление на Русскую Православную Церковь с целью вырвать детей верующих родителей из-под влияния Церкви, из-под влияния родителей. Вводится неофициальный контроль за крещением. В некоторых областях контролеры-идеологи достигают того, что верующие родители боятся приводить своих детей в церковь, причащают их тайком. Для учителей издаются уникальные пособия по внедрению атеизма во все учебные предметы. Тезис «наука против религии» становится идеологической основой всех антирелигиозных мероприятий. Перед праздниками Рождества Христова и Пасхи в школах проводятся антицерковные кампании. У некоторых упорных верующих родителей отнимают детей: родителей лишают родительских прав, их несовершеннолетних детей отправляют в интернаты в другие города. Родителей (чаще отцов) за «неправильную» реакцию на такое решение суда отправляют в тюрьму. Лицам с высшим светским образованием поступление в духовные школы (Семинарии и Академии) является практически недоступным. Юноши-москвичи не могут поступить в Московскую Духовную Семинарию, юноши-одесситы — в Одесскую Духовную Семинарию и т.д. Духовные Академии и Семинарии Русской Православной Церкви находятся под присмотром идеологических и других работников.

Примечательно, что в то же самое время Верховным Советом СССР была принята Международная Конвенция «**О борьбе с дискриминацией в области образования**» (от 14 декабря 1960 г.). В 5-й статье этой Конвенции говорилось, что *«государства, являющиеся сторонниками настоящей Конвенции, считают, что: родители и, в соответствующих случаях, законные опекуны должны иметь возможность <...> обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями»*.

Текст Конвенции был опубликован в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (1962, № 44). Однако об этом специальном журнале знали очень немногие люди. Поэтому те, для кого предназначался этот документ (директора школ, учителя и особенно те из них, кто непосредственно занимался перевоспитанием верующих детей), даже не предполагали о его существовании. Об этой Конвенции не знали и сами верующие родители. А учитель мог с уверенностью сказать родителям: «Вы не имеете права надевать на ребенка крестик, когда он идет в школу!». **Такой фундаментальный принцип свободы совести, как право на воспитание своих детей согласно своим собственным религиозным убеждениям, был практически неведом советским гражданам.** Многие узнали о Конвенции только с наступлением «оттепели» через случайное цитирование текста этого документа в журнале «Наука и религия».

Для чего сейчас все это вспоминать? Для того чтобы лучше понять и нынешнее состояние российской школы в целом, и сложности процесса обновления образования в России, и причины антицерковной настроенности, сохраняющейся среди некоторых директоров школ и других работников системы образования.

Десятки лет в институтах усовершенствования учителей российским педагогам вменяли в обязанность перевоспитывать верующих детей. По этому вопросу заседали специальные (в том числе высокие) комиссии, писались отчеты о проделанной работе, делались выговоры и т.д. Конечно, антирелигиозная работа в школе чаще всего выражалась кампаниями, но иногда кампании проходили не быстро, а участвовать в них должны были все. Десятилетиями велась борьба за души детей, у которых педагоги-атеисты пытались вырвать веру православную и насадить антирелигиозную веру.

Наверное, сейчас трудно понять тех российских педагогов, которые по послушанию начальству и нередко совершенно искренне насаждали в душах детей безбожие и негативное восприятие всего церковного. Некоторые, у кого пелена спала с глаз, пошли в церковь и покаялись. А многим очень трудно было сказать себе: «Что же это я, выходит, всю жизнь

неправильно учил (учила) детей?». Сильные натуры произвели небезболезненную переоценку своей жизни и своей идеологической деятельности. Но для немалого числа учителей, привыкших только гордиться своим педагогическим трудом и опытом (а среди педагогов очень много истинных подвижников), переоценка своих идеологических подходов к воспитанию школьников оказалась не под силу. Да и содержание школьного образования во многом (особенно в области гуманитарных дисциплин) остается пронизанным антирелигиозным мировоззрением.

Празднование 1000-летия Крещения Руси для многих наших соотечественников стало открытием своей православной истории и культуры. Начали образовываться новые приходы, строиться храмы, открываться новые духовные учебные заведения — Академии, Семинарии и Училища. На рубеже 1980-х и 1990-х годов появились первые воскресные школы. Поначалу они воспринимались как ростки, вдруг проросшие из-под асфальта. Можно было собирать детей при храме — это уже не грозило организаторам воскресной школы тюремным заключением. Стали появляться первые книжки для детей, сначала переписанные или перепечатанные родительской рукой и с любовью раскрашенные детьми. Как-то незаметно прикрылся Институт научного атеизма, резко сократилось количество книг на полочке «Атеизм» в магазинах «Академкнига». В университетах, педагогических, медицинских и сельскохозяйственных институтах и академиях из учебного плана исчезли курс и государственный экзамен по научному атеизму. И все это происходило как-то неприметно на фоне громких политических баталий, экономических обвалов и социальных потрясений последнего десятилетия XX века.

Законодательная перемена по вопросу отношений Церкви и школы наступила в октябре 1990 года. Менее чем за месяц были приняты два закона:

1. Закон СССР **«О свободе совести и о религиозных организациях»** (от 1 октября 1990 г.);
2. Закон РСФСР **«О свободе вероисповеданий»** (от 25 октября 1990 г.).

Первый просуществовал недолго. Действие этого закона прекратилось вместе с прекращением существования СССР. Второй закон действовал почти 7 лет — до принятия 26 сентября 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

В законе СССР от 1 октября 1990 года еще была статья «Отделение школы от Церкви (религиозных организаций)» (ст. 6). В законе РСФСР от 25 октября 1990 года словосочетание «отделение школы от церкви»

уже отсутствовало. Соответствующая 9-я статья этого закона называлась **«Светский характер системы государственного образования»**.

Таким образом, от ленинского Декрета 1918 г. должно было пройти 72 года, а от закона СССР до закона РСФСР — 25 дней, чтобы словосочетание, унаследованное от немецких социал-демократов, — **«школа отделяется от церкви»** — наконец исчезло из российского законодательства.

Более того, с принятием закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» (от 25 октября 1990 г.) государственной школе уже нельзя было оставаться атеистической организацией. Иначе она подпадала бы под 8-ю статью этого же закона, которая так и называлась: **«Отделение религиозных и атеистических объединений от государства»**.

В ныне действующем Федеральном законе **«О свободе совести и о религиозных объединениях»** об отделении атеистических объединений от государства уже не упоминается. Здесь могут быть два толкования: или таковых нет, или они уже вновь не отделяются от государства. Но в этом новом законе есть один примечательный пункт, касающийся образовательной деятельности религиозных организаций: **«Государство <...> оказывает помощь религиозным организациям <...> в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных учреждениях, созданных религиозными организациями в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании»** (ст. 4, п. 3). Хотя эта статья и не относится к главной теме настоящей работы, но упомянуть о ней в данном случае очень важно. Получить лицензию и аккредитацию для православной общеобразовательной школы очень непросто, но наличие в Федеральном законе такой статьи дает вполне определенную характеристику самому закону. Стали заметны новые веяния.

И все-таки последнее десятилетие XX века для развития образовательной деятельности Русской Православной Церкви было весьма затруднительным. Прежде всего, сказалась неподготовленность самих церковных структур к планомерной деятельности в светской школе. Откуда было брать опытных церковных педагогов для школ России, если даже некоторые священники не имели педагогических навыков?!

Иногда в школу приходили ревностные люди, но их ревность нередко была «ревностью не по разуму». Их приход в государственную школу компрометировал Церковь или, что еще хуже, совсем отвращал от нее. Иногда под видом православного просвещения такие люди занимались

распространением своих политических взглядов или только выступали против сектантов, не свидетельствуя о красоте Православия.

Наиболее активные православные родители (особенно в крупных городах) постарались учредить православные гимназии, при многих приходах стали действовать воскресные школы. Однако неизмеримо большее число православных детей осталось за пределами этих православных гимназий и воскресных школ: в государственных и муниципальных школах, там, где, как правило, не находилось таких активных родителей, которые могли бы добиваться факультативного преподавания в них религиозных дисциплин. Это констатировалось в «Информационном Вестнике» Отдела религиозного образования и катехизации Московского Патриархата (1998, №2 (8), сентябрь-декабрь, с. 7). От родителей очень многое зависит. Не случайно бывший премьер-министр Польши Х. Сухоцка в своем докладе «Религиозное обучение в школе в конституциях и законодательстве некоторых европейских стран» сделала вывод: **«Именно воля пользующихся своим правом родителей предопределяет обязанности государства».**

Но жизнь продолжается: постепенно готовятся православные педагоги, все больше осознают свои права верующие родители, уходят на пенсию старые руководящие работники в области образования (среди них и непримиримые к Церкви). В Смоленске, Курске, Москве и некоторых других городах России уже не единицы, а десятки православных педагогов трудятся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. В целом ряде школ г. Новосибирска и Новосибирской области достаточно успешно ведется апробация курса «Православная культура России». В этой связи особенно актуальным представляется анализ законодательных основ образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных школах.

Для более глубокого понимания современной ситуации, сложившейся в этом вопросе, необходимо сравнить два закона, касающихся образовательной деятельности Церкви: закон РСФСР **«О свободе вероисповеданий»** 1990 года и сменивший его Закон Российской Федерации **«О свободе совести и о религиозных объединениях»** 1997 года.

Раздел 2. ДВА ЗАКОНА (1990 и 1997 гг.)

Для того чтобы понять правовые основы духовно-просветительной и образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, следует сравнить закон Российской Федерации **«О свободе вероисповеданий»** (от 25 октября 1990 г.) и закон Российской Федерации **«О свободе сове-**

сти и о религиозных объединениях» (от 26 сентября 1997 г.) в той части, которая касается именно образовательной деятельности Русской Православной Церкви.

В первом из указанных законов (1990 г.) особый интерес представляет ст. 9 **«Светский характер системы государственного образования»**, а во втором законе (1997 г.), сменившем первый, это ст. 5 **«Религиозное образование»**.

За 7 лет, которые прошли между принятием этих двух законов, в Москве состоялось пять Международных Рождественских Образовательных Чтений (1993–1997), были заключены соглашения между Министерством образования Российской Федерации и Отделом религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, целый ряд соглашений между областными и краевыми управлениями образования, с одной стороны, и епархиальными отделами религиозного образования, с другой стороны. С 1997 года стала выходить газета «Воскресная Школа» — еженедельное приложение к общероссийской педагогической газете «Первое сентября». Казалось, стала преодолеваться стена отчуждения между Российской школой и Православной Церковью.

Между принятием указанных двух законов в Российской Федерации была принята новая Конституция (12 декабря 1993 г.), а еще ранее — новый закон **«Об образовании»** (10 июля 1992 г.). С принятием этого закона стало возможным официальное открытие православных общеобразовательных учебных заведений (дошкольных, средних и высших), имеющих статус негосударственных образовательных учреждений. Но два пункта этого закона — п. 5 ст. 1 и п. 4 ст. 2 — противниками образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях стали использоваться в качестве противодействия закону РФ **«О свободе вероисповеданий»** (1990 г.).

Поэтому необходимо сравнить два закона, касающихся свободы совести и религиозных объединений, а затем посмотреть, какова роль в рассматриваемой проблеме закона **«Об образовании»** 1992 года.

Закон 1990 года:

«Ст. 9. Светский характер системы государственного образования.

Государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии.

Преподавание вероучений, а также религиозное воспитание (здесь и далее выделено мной. — *Авт.*), **может осуществляться** в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также **факультативно** по желанию граждан представителями религиозных объединений с зарегистрированным уставом **в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях.**

Преподавание религиозно-познавательных, религиозоведческих и религиозно-философских дисциплин, не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информативный характер, может входить в учебную программу государственных учебных заведений.

Ребенок имеет право свободно выражать свое мнение, имеет право на свободу мысли, совести и религии. Государство уважает свободу ребенка и его родителей или законных опекунов, обеспечивающих религиозное и нравственное воспитание ребенка **в соответствии с убеждениями по их выбору».**

Закон 1997 года:

«Ст. 5. Религиозное образование.

1. Каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими.

2. Воспитание и образование осуществляются родителями или лицами их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести, свободу вероисповедания.

3. Религиозные организации вправе в соответствии со своими уставами и с законодательством Российской Федерации создавать образовательные учреждения.

4. По просьбе родителей или лиц их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы».

А теперь предстоит задача (как в занимательных рисунках) — найти в этих двух статьях десять различий.

1. Во-первых, сравниваемые статьи законов различаются прежде всего своими наименованиями. Ст. 9-я закона 1990 года (далее — первый закон) своим названием подчеркивает **«светский характер системы**

государственного образования». Ст. 5-я закона 1997 года (далее — второй закон) якобы говорит о «религиозном образовании».

2. В первом законе, в соответствии со светским характером системы государственного образования, термин «религиозное образование» не употребляется, в законе говорится лишь о «преподавании вероучений и религиозном воспитании». (При желании каждый может под этим подразумевать «религиозное образование», но в самом законе явно об этом не говорится.) Во втором законе прямо говорится о «религиозном образовании» (п. 1) и о «возможности обучать детей религии» (в государственных и муниципальных образовательных учреждениях вне рамок образовательной программы). Отсюда можно допустить, что в понятие «религиозное образование» входит, в частности, и обучение детей религии. Но содержание понятия «религиозное образование» во втором законе не раскрывается, в то время как первый закон начинается словами: «Под образованием в настоящем Законе понимается...» и далее следует раскрытие этого понятия. Итак, в первом законе говорится о преподавании вероучений и религиозном воспитании, а во втором — о религиозном образовании или об обучении детей религии. При желании можно отметить, **что об одном и том же оба закона говорят несколькими разными языками.**

3. В первом законе четко говорится о *факультативной форме преподавания вероучений* в «любых дошкольных и учебных заведениях и организациях», а во втором законе слово «факультатив» даже не употребляется. В общепринятом понимании «факультатив» — это преподавание предмета не обязательно вне расписания, главное — это изучение предмета по выбору обучающегося. Выражение второго закона — «вне рамок образовательной программы» — более широкое и туманное.

Если первый закон подчеркивает, что факультативное преподавание религии допустимо «в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях», и при этом он никак не увязывает это право с «предоставлением» или «не предоставлением» для этого возможности со стороны школы, то второй закон **право на получение** религиозного воспитания и образования **детьми любых школ и дошкольных учреждений** сводит к **предоставлению** возможности **религиозным организациям** организовывать вне рамок образовательной программы обучение детей религии. Кроме того, второй закон вообще не упоминает о дошкольных заведениях, как будто их не существует в Российской Федерации.

Здесь происходит подмена, подобная той, которая нередко бывала (да и ныне кое-где остается) в больничных учреждениях. Пункт 13 ст. 30 «**Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья**»

(1993 г.) гласит: *«При обращении за медицинской помощью и ее получении пациент имеет право на допуск к нему священнослужителя, а в больничном учреждении на предоставление условий для отправления религиозных обрядов, в том числе на предоставление отдельного помещения, если это не нарушает внутренний распорядок больничного учреждения. В случае нарушения прав пациента он может обратиться с жалобой непосредственно к руководителю или иному должностному лицу лечебно-профилактического учреждения, в котором ему оказывается медицинская помощь, в соответствующие профессиональные медицинские ассоциации и лицензионные комиссии либо в суд».*

Заметим — речь идет **не о праве священника приходить к больному**, а о **праве пациента приглашать к себе священника**, которое он может защищать вплоть до суда. И вопрос о помещении не является принципиальным: больной имеет право и на особое помещение, если есть такая возможность, если это не нарушает внутренний распорядок больничного учреждения. Даже крайне тяжелое состояние пациента не может быть для врача аргументом против допуска священника к больному. Нельзя ставить фундаментальное право больного гражданина в зависимость от внешних условий или идейных установок администрации. В этом и есть сущность закона. Когда заведующий врачебным отделением говорит родственникам больного: *«Мы в отделение попов не пустим!»*, то этим нарушаются не права священника или религиозного объединения, а **права пациента — гражданина Российской Федерации**.

В рассматриваемом нами вопросе произошла аналогичная подмена. **Право детей и подростков** на факультативное получение религиозного образования и воспитания в государственных и муниципальных образовательных учреждениях было подменено **возможностью** зарегистрированной религиозной организации заниматься образовательной деятельностью в стенах школы. А возможность — это не право, ее можно предоставлять, а можно и не предоставлять. И здесь огромную важность приобретают подзаконные акты (инструкции, информационные письма, рекомендации, распоряжения, приказы). Подзаконные акты способны свести на нет действие самого закона, особенно если в законе все существо дела облекается в туманные формулировки. В данном случае так и получилось. Право на факультативное получение детьми религиозного образования фактически подменилось возможностью получения религиозным объединением помещения в здании школы. И поэтому 1-й пункт 5-й статьи закона 1997 года **«О свободе совести и о религиозных объединениях»** — *«Каждый имеет право на получение религиозного образования по*

своему выбору индивидуально или совместно с другими» — по отношению к государственным и муниципальным школьникам требует дополнения: *«каждый, но в зависимости от предоставления администрацией школы помещения»*. С правовой точки зрения это, конечно, нелепость.

4. В первом законе подчеркивается, что *«государство уважает свободу ребенка и его родителей или законных опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание ребенка в соответствии с убеждениями по их выбору»*. Эти слова являются главным обоснованием права на религиозное образование и воспитание верующих детей, в каких бы школах они ни учились. Большинство международных документов по вопросам свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных объединений **указывают именно на неотъемлемое право родителей** и в соответствующих случаях законных опекунов **обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями и традициями**. Как же **обеспечить это право**, если **на практике** возможностей для факультативного преподавания религии нет?

В доперестроечный период на просьбы верующих об открытии для них храма в их городе или селе зачастую поступал ответ, что в десяти (или двадцати, тридцати и т.д.) километрах от них есть другой населенный пункт и в нем есть храм. Поэтому просители вряд ли могут утверждать, что нарушается их свобода совести. Да, где-то есть или может быть создана воскресная школа или православная гимназия. Там и обучайте своих детей религии. Как говорится, это ваши проблемы.

Итак, налицо — два «обеспечения». Государство обеспечивает «светский характер образования», а родители или законные опекуны ребенка сами вне стен школы пусть обеспечивают то, что хотят обеспечить. Но **Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования** (от 14 декабря 1960 г.) гласит, что *«родители и в соответствующих случаях законные опекуны должны **иметь возможность** обеспечивать религиозное и моральное воспитание детей в соответствии с их собственными убеждениями»*¹ (ст. 5, п. б).

Где удобнее всего обеспечивать обучение ребенка религии? Конечно, в общеобразовательной школе, где учится большинство верующих детей, где школьники проводят большую часть учебного времени и обучаются другим предметам. А чтобы в данной школе не был нарушен светский характер образования в Российской Федерации а также принцип добро-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР, 1962, № 44.

вольности, — вводится факультатив. Не в выходной день или после всех занятий, а нормальный факультатив. При этом и государство не вмешивается в религиозное воспитание верующих детей, и школа (государственная, муниципальная) не берет на себя обязанность религиозного воспитания и образования. Во многих странах Европы, где религиозное образование не признано обязательным, это так и решается.

Во втором законе (1997 г.) приоритет родителей в деле религиозного воспитания упоминается, но не в ст. 2 **«Религиозное образование»**, а в п. 2 ст. 4 **«Государство и религиозные объединения»**, где говорится, что государство *«не вмешивается <...> в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания»*. И далее в этой же статье указывается, что *«государство <...> обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях»*. А о религиозном образовании здесь умалчивается, как будто этого вопроса вообще не существует.

Итак, государство «в соответствии с конституционным принципом отделения религиозных объединений от государства» (ст. 4, п. 2 закона 1997 г.) «не вмешивается» в религиозное воспитание и «обеспечивает» светский характер образования. Верующие дети и родители остаются на «самообеспечении» своих прав.

5. Пункт 2 ст. 5 второго закона (1997 г.) формулируется так: *«Воспитание и образование детей осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания»*. Этим положением **как бы** компенсируется отсутствие указания на приоритет родителей или законных опекунов в деле религиозного воспитания перед секулярным государством, перед секулярной школой. Но именно **как бы**. А по существу здесь заложено (почти неприметное) основание к «вытеснению» самой возможности получения детьми религиозного образования в государственных и муниципальных школах даже в порядке факультатива. Если религиозное образование и религиозное воспитание детей **«осуществляются родителями или лицами, их заменяющими»**, то при чем здесь тогда школа?!

При чтении 2-го пункта ст. 5-й закона 1997 года сбивают с толку начальные слова этого пункта: «Воспитание и образование детей» (и т.д.). Не написано: «Религиозное воспитание и религиозное образование», а просто «Воспитание и образование детей...». Какая разница? Разница следующая. Если читающий заглянет в название всей статьи, минуя п. 1, то он должен догадаться, что речь, наверно, идет все-таки о религиозном

воспитании и религиозном образовании, а не о воспитании и образовании вообще. Догадается, и хорошо. Хотя, строго говоря, тексты законов так не формулируются. А если прописать эту статью как подобает: «*Религиозное воспитание и религиозное образование детей **осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания***», то сразу «потускнеет» весь 4-й пункт этой же статьи. Пунктом 2 ст. 5 школа отгораживается от того, о чем далее туманно говорит пункт 4. Это еще одно отличие второго закона от первого.

6. Первый закон (1990 г.), указав на право факультативного преподавания вероучений и религиозного воспитания, не дает специальных пояснений, как должен быть обставлен факультатив, главный принцип которого — добровольный выбор предмета. Второй закон (1997 г.), напротив, не упоминая о факультативе, подчеркивает, что обучение детей религии возможно «по просьбе родителей или лиц, их заменяющих», после согласования с органом местного самоуправления. Как будто власть органов местного самоуправления может **превысить** и Конституцию Российской Федерации, и сам закон РФ «**О свободе совести и о религиозных объединениях**», и все международные конвенции по борьбе с дискриминацией в области образования, которым Россия выразила свою приверженность!

Что означает в данном случае «согласование»? Это регистрация или лицензирование под видом разрешения, или разрешение, имеющее вид соглашения? В том и другом варианте возникают новые вопросы. Если это регистрация, то все должно быть предельно формализовано, если — разрешение, то кто разрешает или не разрешает? Соответствующий орган местного самоуправления? Коллегиально? В лице главы местной администрации? В лице заведующего районного отдела образования? Вопросы, вопросы... На любом этапе «согласования» дело можно загубить, если родители-активисты не проявят чрезвычайных усилий.

7. В первом законе указан принцип преподавания религиозно-познавательных, религиозно-философских дисциплин. Такие дисциплины, если они не сопровождаются совершением религиозных обрядов и имеют информативный характер, **могут входить в учебную программу государственных учебных заведений**. Причем закон не оговаривает, что священник не может входить в класс для преподавания таких дисциплин. Второй закон (1997 г.) ни о каких религиозно-философских, а также религиозно-философских дисциплинах даже не упоминает. Философия вообще дело сложное, а что уж говорить о религиозной философии? Как ее удержать в «информативных» рамках? Второй закон вообще

обходит религиозную проблему. Видимо, преподавание религиоведения окончательно «отдано» государственным структурам, поэтому в законе «**О свободе совести и о религиозных объединениях**» религиоведение не упоминается — этим второй закон существенно отличается от первого. А под видом религиоведения очень удобно преподавать прежний «научный» атеизм.

8. Статья 9-я первого закона (1990 г.) в самом начале содержит замечательную декларацию: *«Государственная система образования и воспитания носит светский характер и не преследует цели формирования того или иного отношения к религии»*. Есть система образования, есть и система воспитания (хотя немало людей считает, что никакой целостной системы воспитания в России уже нет).

Хорошо известно, на каком идеологическом основании десятки лет созидалась советская система образования и воспитания. Спустя девять лет после выхода закона 1990 года бывший министр образования Российской Федерации В. М. Филиппов в докладе «Гуманистическая роль образования: православие и воспитание», сделанном на VII Рождественских Образовательных Чтениях (24 января 1999 г.), говорил о «создании светско-религиозной комиссии по образованию, которая призвана освободить государственные образовательные стандарты, учебные программы, учебники и учебные пособия от проявлений воинствующего атеизма»¹. А от атеизма вообще? Если светская школа не ставит себе задачи выработать отрицательное отношение ученика к религии, то надо бы убирать не только воинствующий, но и так называемый «научный» атеизм, который всегда был теоретическим обоснованием воинствующего.

Положение первого закона (1990) о том, что госсистема образования и воспитания *«не преследует цели формирования того или иного отношения к религии»*, во втором законе (1997) отсутствует. Если не будет формироваться новое, то есть положительное отношение к Православию, как к вере отцов, как к вере большинства верующих соотечественников, то останется старое — отрицательное. Его и формировать не надо — оно сформировано десятилетиями гонений на Русскую Православную Церковь, осуществляемых под лозунгом «наука против религии». А поскольку атеизированная школа учила наукам, то и содержание образования формировало отрицательное отношение к религии. Третьего не дано. Агностиками в школе не воспитывают.

¹ *Филиппов В.М.* Гуманистическая роль образования: православие и воспитание: Доклад на VII Рождественских Чтениях в 1999 г.— М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1999, с. 5.

9. В первом законе еще были слова: *«Ребенок имеет право свободно выразить свое мнение, имеет право на свободу мысли, совести и религии»*. Во втором законе эти слова уже отсутствуют. Прежде, при советской власти, свободомыслие связывали родственными узами только с атеизмом (была даже привычная тема — «История свободомыслия и атеизма»). А здесь свободомыслие поставлено рядом с совестью и религией. Впрочем, могут быть и иные мотивы, почему такие хорошие слова не попали в новый закон.

10. И, наконец, десятое отличие. Первый закон (то есть ст. 9 закона 1990 г.) прост и понятен, довольно хорошо структурирован и созвучен международным правовым обязательствам России. Второй закон (то есть 5-я ст., п. 3 закона 1997 г.) прямо и четко говорит **только о праве религиозных организаций «в соответствии со своими уставами и с законодательством РФ создавать образовательные учреждения»**.

Получается так: создавайте свои образовательные учреждения и там обучайте религии. А о правах на религиозное образование **всех детей**, в том числе тех, которые не могут по тем или иным причинам учиться в негосударственных образовательных учреждениях, — статья закона выражается туманно и с недомолвками.

В первом законе (1990 г.), казалось, устранялись непреодолимые преграды, которые делали невозможной даже постановку вопроса о факультативном преподавании религиозных дисциплин в государственных образовательных учреждениях. С этой точки зрения второй закон (1997 г.) в части, регламентирующей образовательную деятельность религиозных объединений, откатывается к прежней антицерковной политике и идеологии.

На Декрете Совета народных комиссаров от 23 января 1918 года **«Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви»** и на Постановлении ВЦИК Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 года вплоть до 1990 года держалось законодательство России, касающееся Церкви и ее деятельности, в соответствии с которым всякая образовательная деятельность Русской Православной Церкви, кроме деятельности двух Духовных Академий и трех Семинарий, была вне закона. Только с принятием закона **«О свободе вероисповеданий»** (от 25 октября 1990 г.) были отменены законодательные преграды для образовательной деятельности Русской Православной Церкви. После выхода в свет этого закона стало возможным факультативное обучение детей религии прямо в школе! Закон прошел на волне перемен от тоталитарного контроля над школой к свободе и плюрализму в области образования. Но

государственная школа являлась одной из самых консервативных структур в советском обществе. И было бы невероятным, если бы десятилетиями навязываемая идеология безбожия вдруг и без всякого сопротивления сдала свои позиции. Поэтому если закон 1990 года **«О свободе вероисповеданий»** как-то «проскочил» через «идеологические верхи» Министерства образования, то подготовка закона **«Об образовании»** во многом уже зависела от заказа самого Министерства.

В законе **«Об образовании»** были сформулированы два пункта (ст. 1 п. 5, ст. 2 п. 4), на основании которых потом стали рождаться утверждения, что между законом **«О свободе вероисповеданий»** и законом **«Об образовании»**, дескать, имеются противоречия. При этом почти никогда не упоминается о том, что закон **«О свободе вероисповеданий»** был принят раньше (в 1990 г.), и к 1992 году, когда появился закон **«Об образовании»**, он не был ни отменен, ни заменен.

Но самое главное — это то, что никаких противоречий между законами не было. Имело место целенаправленное толкование светского принципа в государственной системе образования (ст. 2 п. 4): светский, значит, обязательно антицерковный (то есть дословно — вместоцерковный), антирелигиозный. А запрет на создание в государственных и муниципальных образовательных учреждениях **«организационных структур политических партий, общественно-политических и религиозных движений и организаций»** (ст. 1 п. 5) истолковывался как запрет на приход священнослужителей в школу вообще. При таком «расширительном» понимании указанных статей закона искусственно создавалось впечатление о противоречии закона **«Об образовании»** закону **«О свободе вероисповеданий»**.

Второй закон (1997 г.) был принят тогда, когда в России уже произошла резкая поляризация идеологических сил. Одни голосовали за то, чтобы в самом Федеральном законе была отражена особая роль Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры (преамбула этого закона), а другие под знаменем борьбы с клерикализмом отстаивали одно из главных завоеваний революций — изоляцию школы от Церкви, от православного образования и воспитания.

Но при всех указанных различиях между первым и вторым законами есть одно сходство. Оба они, как говорится, «не работают». Первый не работал в свое время (1991–1997 гг.), а второй до сего дня. Первый (1990 г.) не успел заработать, так как вместо подкрепляющих его подзаконных актов, которые бы показали механизм его внедрения, Министерство образования рассылало такие инструктивные письма, которые буквально парализовали действие этого закона в области госсистемы

образования. В качестве оснований для этих «запретительных» писем обычно выступали: 1) неусыпная забота о соблюдении светского характера образования; 2) забота о том, чтобы в школу не проникли представители деструктивных тоталитарных учений и течений. При этом, например, учебники Муна свободно распространялись по всей России, а православных священников действительно старались не допускать в школу. Некоторые учителя и директора медитировали вместе со школьниками, а молитва православная считалась страшным нарушением законодательства и свободы совести учащихся.

Пока спорили да ряздили (о лицензировании преподавателей по религиозным дисциплинам, о форме преподавания, о контроле за таким преподаванием и т.д.) — прошли годы. 26 сентября 1997 года появился закон **«О свободе совести и о религиозных объединениях»**, от которого многие ждали разрешения рассматриваемой проблемы. Но, к великому сожалению, этот закон проблемы образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях не решил, а завязал узел противоречий еще туже.

Два года спустя (4 июня 1999 г.) этот закон получил разъяснение и рекомендации Министерства образования Российской Федерации. Сама рекомендация Министерства, выраженная в документе № 14–53–281 ин/14–04, составлена так, что право детей государственных и муниципальных школ на факультативное получение религиозного образования и воспитания становится еще более призрачным, нежели после принятия закона **«О свободе вероисповеданий»** 1990 года. Этому письму Министерства образования посвящается следующий раздел.

Раздел 3. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

4 июня 1999 года министром образования Российской Федерации было подписано письмо № 14–53–281 ин/14–04, содержащее **рекомендации** Министерства образования по вопросу **«О предоставлении религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ в помещениях государственных и муниципальных образовательных учреждений»**.

Преамбула письма гласила, что цель этого документа — оказать методическую помощь государственным и муниципальным образовательным учреждениям в работе, связанной с реализацией пункта 4-го статьи 5-й Федерального закона **«О свободе совести и о религиозных объединениях»**.

Приведем текст указанного пункта Федерального закона:

«По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы».

Здесь предлагается анализ содержания документа, призванного способствовать реализации п. 4 ст. 5 закона Российской Федерации «**О свободе совести и о религиозных объединениях**».

В разделе «Общие положения» указывается, что рекомендации Министерства образования должны оказать **содействие**:

- родителям (законным опекунам),
- детям,
- руководителям государственных и муниципальных образовательных учреждений,
- государственным органам управления образованием субъектов Российской Федерации,
- местным (муниципальным) органам управления образованием **в обучении детей религии** вне рамок образовательной программы.

В то же время документ призван «обеспечить соблюдение положений статьи 14 Конституции Российской Федерации, провозглашающей светский характер государства — Российской Федерации».

Вот текст 14-й статьи Конституции:

«1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».

Здесь нет утверждения, что «школа отделена от Церкви», как в прежних российских Конституциях. А отделение религиозных объединений от государства не означает того, что религиозным людям воспрещается находиться на территории государства. В данном случае отделение означает то, что государство не обеспечивает заработной платой священнослужителей, но при этом может финансировать, например, ремонт

храма, если он представляет собой культурно-историческую ценность для России.

Под обучением религии в данных рекомендациях Министерства образования подразумевается духовно-нравственное воспитание и преподавание основ вероучения. А термин «светский» интерпретируется как «нецерковный», «гражданский» и не рассматривается как синоним слов «атеистический», «антирелигиозный». Так утверждается в подстрочных примечаниях на первой странице документа.

Далее в письме указывается, что рекомендации направлены на:

- **«соблюдение государственными и муниципальными образовательными учреждениями и органами управления образованием принципов государственной политики в области образования в части светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, свободы и плюрализма в образовании;**
- **взаимодействие государственных и муниципальных образовательных учреждений с конфессиями в целях объективного показа роли и значения религии в истории России и цивилизации в целом, усиления духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения».**

Далее в рассматриваемом документе указывается, что рекомендации Министерства образования *«исходят из статьи 1 (часть 1) Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года (вступила в силу 2 сентября 1990 года)».*

Но из этой ссылки на указанную Конвенцию понятно только то, что *«ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее, а также из статьи 54 (часть 1) и статьи 64 (часть 2) Семейного кодекса Российской Федерации, устанавливающих, что ребенком признается лицо, не достигшее 18 лет».*

Во-первых, посмотрим, о чем гласят указанные статьи Семейного кодекса Российской Федерации (1995 г.).

«Ст. 54. Право ребенка жить и воспитываться в семье

1. Ребенком признается лицо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия).

Ст. 64. Права и обязанности родителей по защите прав и интересов детей

2. Родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты интересов детей».

О чем это все? О том, кого следует и кого не следует считать ребенком? Или об органах опеки и попечительства? И что из этого следует? Письмо отвечает:

«Из этого следует, что обучение религии может быть организовано для несовершеннолетних обучающихся **в строгом соответствии** со статьей 5-й пункт 4 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в государственных и муниципальных образовательных учреждениях общего образования, начального, среднего и высшего профессионального образования».

Далее нужно отметить, что ссылка на **Конвенцию ООН о правах ребенка** в данном случае является «глухой ссылкой». Документ упоминается, а сущность дела умалчивается. Главное, о чем следовало бы сказать, ссылаясь на данную Конвенцию, это о неотъемлемом праве ребенка на свободу совести и религии. Ст. 14 Конвенции ООН о правах ребенка, озаглавленная «Свобода мысли, совести и религии», провозглашает: **«Право на выбор и исповедование любых убеждений. Государство обязано уважать права родителей или опекунов на руководство ребенком в осуществлении этого права в соответствии с его развивающимися способностями»**¹.

Конвенция ООН о правах ребенка четко говорит о том, что государство (следовательно, и государственная школа) обязано уважать права родителей или опекунов на руководство ребенком в осуществлении права на получение им религиозного образования и воспитания. Подтверждает это само заглавие данной статьи — «Свобода мысли, совести и религии». И поскольку Россия приняла эту международную Конвенцию, то ее нельзя игнорировать.

Читателю рекомендательного письма Министерства образования остается два пути: либо отыскать текст Конвенции, чтобы самому понять, для чего она здесь вообще упоминается, либо считать, что ссылка на Конвенцию дается только ради того, чтобы предостеречь «вовлечение малолетних в религиозные объединения», как будто всякое религиозное объединение априори является преступным сообществом (сравни со ст. 3

¹ Приводится по сборнику: Детство идеальное и настоящее. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994, с. 51.

п. 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» 1997 года).

Если на каждое религиозное объединение заранее смотреть как на преступное сообщество, то становятся понятными слова инструктивного письма о «строгом соответствии». Поскольку речь идет об обучении религии «несовершеннолетних обучающихся», то оно «может быть организовано в строгом соответствии со ст. 5 п. 4 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“».

Чему же должно строго соответствовать обучение ребенка религии в школе?

Указанный пункт закона говорит о **«предоставлении религиозной организации возможности обучать детей религии вне рамок образовательной программы»**, а инструктивное письмо Министерства образования от 4 июня 1999 г. эту возможность разъясняет следующим образом:

«Под предоставлением возможности обучения детей религии в настоящих рекомендациях понимается предоставление государственным или муниципальным образовательным учреждением конкретной религиозной организации **возможности использовать помещение** данного образовательного учреждения для проведения занятий по обучению религии за пределами образовательных программ в согласованное обеими сторонами время, если обучение религии указано в уставе религиозной организации (согласно п. 2 ст. 10 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“»).

Таким образом, право ребенка на получение религиозного образования сводится к праву религиозной организации на получение помещения в государственной или муниципальной школе (для получения возможности обучать детей религии вне рамок образовательной программы).

На первый взгляд можно только порадоваться тому, что теперь для духовно-просветительной и образовательной деятельности Русской Православной Церкви в светских образовательных учреждениях имеется основание не только в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г.), но и в рассматриваемой инструкции Министерства образования. Однако при более внимательном прочтении письма оказывается, что получить помещение в школе для религиозной организации будет не так-то просто.

В письме Министерства образования не употребляются такие термины, как «лицензия», «лицензирование», «экспертиза», «предмет и содержание экспертизы», «требования экспертизы» и другие подобные слова, которые сразу же позволили бы понять — в чем же собственно

закключаются или откуда проистекают перечисленные в письме требования Министерства. Ни одного такого термина в письме нет, но в то же время предписан целый ряд требований, в том числе недостижимых для большинства приходов.

Во-первых, к кому должны обращаться со своей просьбой родители, желающие, чтобы их ребенок обучался религии в школе (конечно, вне рамок образовательной программы)? Письмо отвечает, что «родители оформляют свою просьбу заявлением на имя администрации образовательного учреждения или руководителя (главы) религиозной организации». Как будто это все равно. А на самом деле не все равно, кто и как первым станет отвечать родителям. Глава администрации школы и глава религиозного объединения (прихода) находятся в неравном положении — один может предоставить помещение, а другой сам должен ходатайствовать о предоставлении помещения.

В инструктивном письме Министерства образования далее говорится, что «к соответствующему письму (ходатайству) религиозной организации о предоставлении возможности обучать детей религии должны быть приложены копии свидетельства о государственной регистрации данной религиозной организации в органах юстиции и ее устава». Но при этом не говорится, перед кем ходатайствует религиозная организация, на чье имя надо писать «соответствующее письмо». На имя директора, или попечительского совета школы, или педсовета, или общего собрания школы, или иной инстанции? Здесь религиозной организации предоставляется полный выбор, потому что директор этот вопрос не решает, а в соответствии с уставом школы решать должен «орган самоуправления» этого учреждения.

Но и этот орган данного вопроса окончательно не решает. Администрация школы должна согласовать свое решение с муниципальными органами самоуправления. А по каким критериям они будут давать свое согласие? Проверять — нет ли подделки в собственноручных просьбах детей, которым уже по 14 лет? За детей от 7 до 14 лет согласие письменно выразят родители или законные опекуны ребенка. А вот старшим надо собственноручно писать: «Хочу учиться Закону Божию в стенах своей школы». И подпись.

Наверное, найдутся несколько детей-исповедников, которые не побоятся, что в учительской потом будут все рассматривать их записки. Но создается впечатление, что составители письма или очень хорошо, или очень плохо понимают психологию старших школьников, которые, даже имея желание посещать уроки священника, не захотят «подставяться». Можно подумать, что если юноша или девушка 14—17 лет сами не захо-

тят посещать уроки по православию, то их может кто-то принудить, да еще в стенах школы.

А что означает согласование обучения детей религии со ст. 13, п. 1.5: е), ж), з); 1.6: а), б) Федерального закона «Об образовании», о чем говорит письмо Министерства образования? Вот эти пункты:

«Статья 13. Устав образовательного учреждения.

Пункт 1.5: Основные характеристики организации образовательного процесса, в том числе:

- е) режим занятий обучающихся воспитанников;
- ж) наличие платных образовательных услуг и порядок их предоставления;
- з) порядок регламентации и оформления отношений образовательного учреждения и обучающегося, воспитанников и (или) их родителей (лиц их заменяющих).

Пункт 1.6: Структура финансовой и хозяйственной деятельности образовательного учреждения, в том числе в части:

- а) использования объектов собственности, закрепленных учредителем за образовательным учреждением;
- б) финансирования и материально-технического обеспечения деятельности образовательного учреждения».

И что получится, если предоставление администрацией школы возможности обучать детей религии вне рамок образовательной программы ставится в зависимость от вышеперечисленных пунктов устава школы?

Это означает, что легче будет построить или арендовать где-нибудь помещение, нежели договориться по всем этим пунктам с администрацией школы.

Далее, с одной стороны, инструктивное письмо Министерства образования утверждает, что «предоставление возможностей для обучения детей религии не может рассматриваться как предпринимательская деятельность данного образовательного учреждения», а с другой — требует определиться с «наличием платных образовательных услуг». Причем о финансировании деятельности образовательного учреждения и о его материально-техническом обеспечении надо будет «договариваться на берегу».

Сколько надо будет договоров и соглашений, чтобы утрясти все эти требования? И зачем директору школы это надо, если он сам не сочувствует православному образованию и воспитанию?!

Но дальше еще сложнее: **«Условия реализации программ обучения религии должны отвечать государственным и местным требованиям в части строительных норм и правил, санитарных и гигиенических норм, охраны здоровья обучающихся и работников образовательного учреждения, оборудования учебных помещений, оснащенности учебного процесса и образовательного ценза привлекаемого к обучению религии персонала религиозной организации».**

Откуда эти требования попали в письмо Министерства образования? Из ст. 33 Федерального закона «Об образовании», излагающей «Порядок создания и регламентации деятельности образовательного учреждения». Допуская в школе занятия по религии, администрация (или религиозное объединение, отвечающее за эти занятия) как будто создает новое образовательное учреждение. Вышеприведенное требование является почти целиком заимствованным 9-м пунктом 33-й статьи закона «Об образовании». А 9-й пункт отвечает на вопрос: «Что является предметом и содержанием экспертизы, которую осуществляет экспертная комиссия, по заключению которой новосозданному образовательному учреждению дается лицензия на право ведения образовательной деятельности?». Ни больше, ни меньше! Но в письме Министерства образования, как уже отмечалось, нет ни слова ни об экспертизе, ни о получении лицензии. Похоже на лабиринт — может быть, выйдешь из него, а может быть, и нет.

А кто и как будет оценивать, достаточно ли оборудован обычный класс в обычной школе, чтобы преподаватель Закона Божия мог проводить там занятия? Кто и как будет оценивать оснащенность учебного процесса по Закону Божию? Кто и как будет оценивать требования к образовательному цензу преподавателя Закона Божия? Епархиальное руководство? Тогда это понятно. А для руководства школы разве имеет значение, что окончил преподаватель Закона Божия — Духовную Академию, Духовную Семинарию или только Духовное Училище? Или он стал священником, имея высшее светское образование?

И, наконец, самое удивительное требование: *«Используемая в процессе обучения религии литература и учебно-методические пособия, включая аудио- и видеоматериалы, должны иметь маркировку с официальным полным наименованием **данной религиозной организации** (согласно п. 3 статьи 17 Федерального закона „О свободе совести и о религиозных объединениях“)*».

О чем говорит 3-й пункт 17-й статьи? *«Литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, **выпускаемые религиозными организациями, должны иметь маркировку с официальным полным***

наименованием данной религиозной организации». И только! Выпускаемые приходом материалы должны иметь его маркировку. А о том, что используемая в процессе обучения религии литература и учебно-методические пособия, включая аудио- и видеоматериалы, должны иметь маркировку с официальным полным наименованием данной религиозной организации, — до этого трудно додуматься. Это равнозначно тому, чтобы каждая школа, каждый вуз имели бы **только свои учебные пособия!** Если это требование применять буквально, то только единицы православных приходов смогут получить помещение для проведения занятий по Закону Божию в стенах общеобразовательной школы. У большинства приходов нет ни возможности осуществлять издательскую деятельность, ни собственных учебных пособий.

Сколько разнообразных требований собрано в одном инструктивном письме! Сколько поставлено преград, и практически нет ничего конструктивного, то есть того, что хотя бы в малой степени способствовало бы реализации п. 4 ст. 5 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях».

А что для этого требуется? Требуется добавить два слова: «Разрешить факультатив». А если нужны разъяснения, то необходимо разъяснить, как организовать факультатив, а не как ему воспрепятствовать.

По-видимому, в недрах Министерства образования долго шли поиски путей, как же реализовать, а точнее нейтрализовать, этот злополучный п. 4 ст. 5. И выход был найден — право обучаться религии было подменено проблемой получения помещения.

Первым давно и публично об этом сказал бывший замминистра образования А.Г.Асмолов. 6 декабря 1994 года, выступая на семинаре православных педагогов в ОВЦС, он говорил о готовящемся новом законе «О свободе совести». Коснувшись образовательной деятельности Русской Православной Церкви, он сказал, что согласно готовящемуся закону администрация государственных школ сможет предоставлять помещения для факультативных занятий по обучению религии.

При обсуждении текста готовящегося закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» рассматриваемый вопрос вызвал самые горячие споры. Об этом стало известно на VI Международных Рождественских Образовательных Чтениях 1998 г. Советник-юрист Московского Патриархата В.Н.Калинин, выступая с докладом «Новый законодательный акт и вопросы религиозного образования», сказал: «Сейчас в Правительстве Российской Федерации составлен план, согласно которому в

ближайшее время должен быть подготовлен ряд документов, имеющих для нас очень важное значение. Среди них должно быть разработано Инструктивное письмо органам народного образования республик, краев и областей о предоставлении администрацией государственных и муниципальных образовательных учреждений возможности религиозной организации (не религиозной группе) обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

Эта статья вызвала серьезные дискуссии в рабочей комиссии, и были определенные силы, которые стремились затормозить принятие Закона, были противники возможности религиозного обучения в муниципальных школах. Но Закон, к счастью, принят в таком виде, и теперь он начинает действовать»¹.

О трудностях, с которыми был принят пункт 4 статьи 5-й закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», говорит А. Себенцов в комментариях к этому пункту закона²:

«4. По просьбе родителей или лиц, их заменяющих, с согласия детей, обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, администрация указанных учреждений по согласованию с соответствующим органом местного самоуправления предоставляет религиозной организации возможность обучать детей религии вне рамок образовательной программы.

Данная норма определяет, что обучение детей религии организует не государственное или муниципальное образовательное учреждение, а религиозная организация, то есть зарегистрированное юридическое лицо, у которого возникают отношения с родителями по вопросам религиозного образования детей. Родители могут обратиться к администрации государственного или муниципального образовательного учреждения (школы), где обучаются их дети, с просьбой о предоставлении религиозной организации возможности на базе этой школы проводить обучение детей религии. Администрация после рассмотрения данного вопроса в соответствии с уставом своей школы в случае положительного отношения согласовывает его с органом местного самоуправления. Причем это правило распространяется как на муниципальную школу, так и на государственную, в том числе учрежденную федеральным органом. Из закона следует, что администрация должна получить согласие органа местного самоуправления,

¹ Калинин В.Н. Новый законодательный акт и вопросы религиозного образования // Рождественские Чтения. 1998: Сборник. – М., 1998, с. 111.

² Себенцов А. Комментарий к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» // «Радонеж», 1997, №20, декабрь.

после чего она устанавливает отношения с религиозной организацией. Эти отношения носят характер гражданско-правового договора. Очевидно, в нем должны быть закреплены вопросы пользования помещениями и имуществом, ответственности, могут быть и особые требования, например, к состоянию здоровья преподавателей, направляемых религиозной организацией.

Вместе с тем в соответствии с нормой пункта 2 статьи 4-й настоящего закона государство обязано обеспечивать светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, и комментируемое положение не дает права ни религиозной организации вмешиваться в содержание и организацию образовательного процесса в светской школе, ни администрации вводить обучение религии в сетку школьных занятий. Оно лишь предоставляет возможность использовать помещения школы для проведения занятий по обучению религии за пределами программы.

Следует признать, что между пунктом 2 статьи 4-й и положением пункта 4 статьи 5-й существует определенное противоречие. Возможность использования школьных помещений религиозными организациями при подготовке проекта закона аргументировалась, в частности, отсутствием у большинства из них своих помещений для проведения религиозного обучения детей. Это соображение **может приниматься в расчет** органами местного самоуправления при согласовании вопроса о проведении уроков религии в помещениях общеобразовательных школ». Может приниматься, а может и не приниматься, рассуждает светский эксперт А. Себенцов, который толкует светскость как недопущение контактов между Церковью и школой.

Вопроса о помещениях касался и бывший министр образования РФ В. М. Филиппов в своем докладе «Гуманистическая роль образования: православие и воспитание» на VII Образовательных Рождественских Чтениях 24 января 1999 г.:

«Мы с благодарностью откликнулись на важное предложение Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Речь идет о создании светско-религиозной комиссии по образованию, которая призвана освободить государственные образовательные стандарты, учебные программы, учебники и учебные пособия от проявлений воинствующего атеизма. Мы надеемся также на выработку этой комиссией практических рекомендаций, направленных на улучшение гуманитарного образования и воспитания в школах и вузах.

Руководствуясь действующим законодательством, Министерство также определило меры, обеспечивающие более полное удовлетворение религиозных потребностей верующих детей в классах и аудиториях государственных общеобразовательных и других учебных заведений. В частности, расширены возможности для организации — разумеется, вне обязательного школьного расписания, — занятий с группами желающих, посвященных религиозному обучению и воспитанию»¹.

Как расширены возможности, показывает рассматриваемое письмо Министерства образования. Теперь с его помощью должен реализоваться п. 4 ст. 5-й Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». Дай Бог, чтобы этот закон заработал, то есть помог бы осуществить православным детям и их родителям их законное право на факультативное получение религиозного образования.

В 1994 году заместитель министра образования М. Н. Лазутова возмущенно писала в газетной статье: «Появляется священник, который ведет урок. Нужно ли детям знать историю религии? Конечно. Весь вопрос, как и кто будет ее преподавать. Желая сделать благо, думает ли директор той школы, где ведет преподавание священник, о том, что он нарушает законы? Например, закон „Об образовании“, который гласит, что школа должна быть светской» (и т. д.).

За прошедшие с того времени годы много воды утекло... Министерство образования периодически выпускало письма и приказы, которые стоят на страже прежних традиций, отторгающих школу от Церкви.

В духе рассматривавшегося инструктивного письма министра образования был составлен приказ Министерства образования Российской Федерации от 1 июля 2003 года № 2833 **«О предоставлении государственным и муниципальным образовательным учреждениям религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ»**. Этим приказом фактически парализуется образовательная деятельность Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. А лицензионные нормы, заложенные (но не названные своим именем) в приказе Министерства образования от 1 июля 2003 года, фактически препятствуют созданию системы факультативного обучения религии в стенах государственных и муниципальных образовательных учреждений.

¹ Филиппов В.М. Гуманистическая роль образования: православие и воспитание: Доклад на VII Рождественских Чтениях в 1999 г. — М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1999, с. 5.

Нормальное факультативное обучение религии в государственных и муниципальных образовательных учреждениях может начаться только тогда, когда вместо приказа о разрешении государственным и муниципальным школам предоставлять религиозным организациям помещение для обучения школьников религии (вне рамок образовательных программ) выйдет приказ о предоставлении возможности обучаться религии детям тех родителей, которые хотят, чтобы их дети получали образование и воспитание в соответствии со своими нравственными и религиозными убеждениями в стенах школы, пусть и вне рамок образовательных программ. Именно это фундаментальное право верующих родителей, закрепленное в международных конвенциях по борьбе с дискриминацией в области образования, и не отражают ни 5-я статья закона Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях», ни приказ Министерства образования от 1 июля 2003 года.

А когда право верующих детей и их родителей на получение религиозного образования и воспитания подменяется правом школы предоставлять (или не предоставлять) помещение религиозным объединениям для проведения факультативных занятий по обучению религии и при этом вводятся скрытые лицензионные требования, то конституционные права родителей на получение их детьми религиозного образования в стенах школы (пусть и вне рамок образовательных программ) сводятся к нулю.

На местах знают настроения в Министерстве образования и нередко действуют в том же русле — стараются не допускать соприкосновения школы и Церкви. Впрочем, есть и исключения. Поэтому низкий поклон и благодарность тем руководителям сферы образования, директорам школ, преподавателям и воспитателям, которые понимают значение образовательной деятельности Русской Православной Церкви для воспитания подрастающего поколения.

Раздел 4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

В заключение можно перечислить основные проблемы, связанные с образовательной деятельностью Русской Православной Церкви в системе государственных и муниципальных образовательных учреждений.

1. Во-первых, следует отметить, что в Русской Православной Церкви, к сожалению, пока еще не выработан целостный концептуальный подход к образовательной деятельности Церкви в государственной системе образования.

Для одних решение проблемы видится только в том, чтобы гражданское законодательство не препятствовало учить православной вере учащиеся государственных и муниципальных школ, желающих обучаться у церковного педагога, и чтобы образовательной деятельности Церкви в школе не препятствовали те, кто имеет административное преимущество в толковании гражданских законов: работники Министерства образования Российской Федерации, руководители органов управления образованием субъектов Российской Федерации, директора государственных и муниципальных образовательных учреждений и др.

Другим кажется, что главное — пересилить в школе сектантов, которые оказались проворнее нас, православных, и под видом преподавания культурологии, иностранных языков, физического воспитания или в форме дополнительного образования довольно открыто занимаются преподаванием сектантских лжеучений: медитируют в школе, учат восточным единоборствам, при этом подчеркивая, что главное в них — не физкультура, а религиозно-философские установления и принципы.

Хорошо, что Министерство образования Российской Федерации поставило заслон на пути сомнительных программ так называемого «полового воспитания» (правда, в этом заслоне имеются основательные бреши). Хорошо, что многие ответственные работники системы образования наконец стали отличать Русскую Православную Церковь от мунитов и Аум Синрикё и уже не бравировать заявлениями, что для них все конфессии «на одно лицо». Хорошо, что директора школ уже осторожно относятся к предложениям, например, оборудовать актовзый зал в школе в обмен на допуск к детям заморского проповедника необычного вероучения.

Все эти проблемы в российской школе есть: и распространение суеверий под различными видами и предлогами, и непонимание многими директорами школ сомнительного содержания различных программ по половому воспитанию школьников, и попытки сектантов из деструктивных культов оказывать влияние на российскую школу и т.д. Но при выработке концепции образовательной деятельности Русской Православной Церкви в государственных и муниципальных образовательных учреждениях учитывать только это — недостаточно. Нельзя строить образовательную работу лишь на противодействии кому-то или чему-то. Необходима и собственная позитивная база.

Главная проблема — это содержание образования, которое Церковь желает нести российским школьникам. До сего времени, к сожалению, нет общепринятых программ, учебных пособий, которыми можно было бы оснастить православных педагогов, идущих в государственную и муниципальную школу. Иногда имеющийся опыт преподавания такого пред-

мета, как «Основы православной культуры», скорее напоминает не очень удачную попытку преподавания Закона Божия в воскресных школах. В них довольно слабо представлен культурологический элемент, хотя православное культурно-историческое наследие России — это неисчерпаемая сокровищница духовной культуры нашего Отечества.

За 1992–1999 гг. Министерство образования постаралось сосредоточить в своих руках преподавание религиозных и культурологических учебных дисциплин и даже замахнулось на теологию. Был принят государственный стандарт по специальности «Теология», в высших учебных заведениях Министерства образования стали готовить теологов, которые могли бы знакомить школьников с историей и культурой Православия и при этом бы не «вовлекали малолетних» в религиозные объединения. То, что слово «теология» переводится как «богословие», для светских теологов, по-видимому, значения не имеет. Раз есть социальный заказ на теологию, то почему бывший преподаватель «научного» атеизма не может, работая теологом, преподавать религиозное образование в школе?!

Сейчас в Министерстве образования и науки наметился откат от преподавания «теологии» в государственных высших учебных заведениях. Как учила И.Хакамада, вместо православной культуры России в школу надо внедрять изучение мировых религий.

Кстати, автором первого (или одного из самых первых) учебника «Религиоведение» (1992 г.) стал бывший директор Института научного атеизма В.Гараджа. Ему, как говорится, и карты в руки. Руководил Институтом атеизма, теперь стал специалистом по религиоведению.

Таким образом, главная проблема образовательной деятельности Церкви в государственной системе образования — это четкое концептуальное определение содержания образования, которое Церковь желает нести в школу. И Библия, и Евангелие, и История Отечества, и Православная культура России (церковная архитектура, иконопись, церковное пение и т.д.) — все это содержание образования, которое Церковь может дать российским школьникам. Здесь у Русской Православной Церкви есть большое преимущество перед государственными и муниципальными образовательными учреждениями. Образовательные учреждения в силу превратно понимаемого светского принципа образования не смогут полнокрвно свидетельствовать об истоках и источниках отечественной истории и культуры (особенно если все время будут заботиться о том, как бы школьник не пошел после урока в храм и не начал молиться). А Русская Православная Церковь, сохраняя свое Предание, сохраняет и любовь к отечественным древностям как к святыням, а не как к музейным экспонатам.

Для преподавания такого предмета, как «Православная культура России», нужны добротные и апробированные учебные программы и учебные пособия для всех классов (для всех лет обучения), а также специально подготовленные педагоги. Этого пока недостает. А время идет, и то внимание, которое учителя государственных школ обратили на Церковь сразу после так называемой перестройки, сегодня несколько ослабло. Мы, православные педагоги, к сожалению, в чем-то не оправдали их надежд. Теперь же надо все делать продуманно и в соответствии с подлинными духовными запросами российской школы.

2. Во-вторых, следует сказать об организационной стороне рассматриваемой проблемы. В 1997 году была выпущена вторая книга библиографического указателя «Образовательная деятельность Русской Православной Церкви: проблемы освоения наследия»¹. Выход ее в свет был почти не замечен даже на Рождественских Образовательных Чтениях в Москве. Ну, что такое библиографический справочник в сравнении с яркими изданиями, в которых не просто перечень книг и статей, а конкретный материал?! В этом сказалось отсутствие фундаментального подхода к образовательной деятельности Церкви.

А между тем, в данном библиографическом справочнике содержатся сведения об огромном количестве законодательных и нормативных документов, регламентировавших различные стороны образовательной деятельности Русской Православной Церкви в Синодальный период. При этом сведения о документах, вошедших в этот справочник, касаются не только различных школ ведомства Святейшего Синода, но и учебных заведений ведомства Министерства Народного Просвещения. Эта книга может оказать практическую помощь в создании нормативно-правовой базы для современной образовательной деятельности Русской Православной Церкви. Ведь для того чтобы квалифицированно ставить вопрос об этой деятельности в государственной образовательной сфере, необходимы соответствующие знания.

У Министерства образования имеется огромный опыт по составлению документов, необходимых для открытия школ, которые касаются и деятельности образовательных учреждений, и содержания образования, опыт по составлению инструкций, правил и так далее. Без создания соответствующей нормативно-правовой базы невозможно претендовать на систематическую образовательную деятельность в государственной

¹ Образовательная деятельность Русской Православной Церкви: проблемы освоения наследия: В 2-х кн. Кн. 2. Справочник законодательной и нормативно-правовой литературы. – Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1997.

школе и Русской Православной Церкви. Нормативно-правовая база образовательной деятельности Церкви в настоящее время необходима как никогда. Но прежде чем приступить к созданию такой базы, надо изучить то, что было сделано Церковью ранее, то есть знать свое наследие.

Естественно, что в наше время сложились совсем иные условия для образовательной деятельности Русской Православной Церкви, нежели в дореволюционной России. Но задачи, касающиеся духовно-просветительной и церковно-образовательной деятельности, остаются неизменными. Нормативно-правовая база для образовательной деятельности Церкви необходима в любом случае, тем более сейчас, когда Российская Федерация переживает эпоху упорядочения законов, а также лицензирования, сертификации и т. д. всех видов деятельности.

3. Следует также упомянуть о ссылках на американскую модель государственной системы образования.

Когда ссылаются на американскую модель образования, то говорят, что там, в Америке, все религиозное из государственных учебных заведений категорически удалено. Но при этом в США президент почему-то дает согражданам клятву не на Конституции, а на Библии, а у религиозных родителей есть не мнимые, а реальные возможности обучать своих детей религии в соответствии со своими собственными религиозными убеждениями. В США не было семидесятилетнего принудительного атеистического школьного обучения и воспитания и не было вероисповедания, которое исповедовало и исповедует абсолютное большинство верующих граждан.

Почему бы для сравнения не сказать о Конституции Греческой Республики — стране, которая значительно ближе к нам в плане культурно-исторического наследия, где «все лица, находящиеся на греческой территории, пользуются полной защитой своей жизни, чести и свободы независимо от <...> религиозных различий» (ст. 5, п. 2).

Ст. 16 Конституции Греции гласит: «**Образование составляет основную задачу государства. Оно включает нравственное, культурное, профессиональное и физическое воспитание греков, а также развитие их национального и религиозного самосознания, формирование их как свободных и ответственных граждан**».

Заключение

Итак, в настоящее время в России можно наблюдать два основных подхода в отношении к образовательной деятельности Русской Православной Церкви — благожелательный и неблагожелательный.

Благожелательное отношение обусловлено или православным мировосприятием человека, или желанием человека научиться жить согласно православной вере и так же вести по жизни своих детей. Многие люди, не заявляя о своей церковности, преподавание религии воспринимают как основу гуманитарного образования вообще.

Неблагожелательное отношение, если исключить воинствующий атеизм, нередко связано со специфическим пониманием принципа светскости образования — как образования, изолированного от всего того, что так или иначе связано с Церковью. Люди такого склада хотят вывести религию за пределы школы. Религия для них — это заведомо что-то разделяющее, несущее конфликты: сразу вспоминаются «религиозные» войны, инквизиция и «Тучи над Борском» (старый советский фильм о сектантских «ужасах религиозного воспитания»).

Если говорить просто, то рассматриваемая в настоящей статье проблема упирается в создание нормального факультатива по православному образованию. В школе надо снять десятилетиями навевшую атмосферу враждебности к Церкви. Ведь само российское законодательство воспрещает возбуждение вражды и ненависти на антирелигиозной почве.

Затем, после встречи со священником, в ходе которой он рассказывает о том, какой это будет факультатив, следует провести опрос среди школьников и организовать совместное собрание детей и их родителей, желающих иметь такой факультатив. С родителями в присутствии детей следует оговорить все стороны обучения, выслушать пожелания родителей и детей. И если при этом будет присутствовать директор или иной представитель администрации школы, то можно сразу избежать каких бы то ни было проблем, связанных с организацией будущих занятий.

Сколько в школах существует всевозможных кружков и секций! И вообще, школа имеет богатый организационный опыт проведения внеклассных занятий. В письме Министерства образования от 4 июня 1999 года говорится: «Условия реализации программ обучения религии должны отвечать государственным и местным требованиям в части строительных норм и правил, санитарных и гигиенических норм» и т.д. Ну разве директор школы загонит своих же детей в заброшенный сарай при здании школы?! А если он разрешит им заниматься со священником два часа в неделю в обычной классной комнате, то, значит, при обучении религии будут соблюдены те же санитарные и прочие нормы, как и при проведении других учебных занятий.

10–11 октября 2002 года в Москве состоялась научно-практическая конференция **«Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования»**¹. В ней приняли участие ведущие ученые, представители государственных структур, религиозных объединений, общественных и политических организаций. Особо следует выделить доклад старшего научного сотрудника лаборатории гражданского воспитания Государственного НИИ семьи и воспитания И. В. Метлика **«Религиозное и религиозоведческое образование: уточнение дефиниций и особенностей»**.

Обобщая опыт взаимодействия религиозных объединений с федеральными и региональными органами государственной власти Российской Федерации, участниками конференции был выработан ряд рекомендаций для Министерства образования Российской Федерации, государственных органов управления образования, а также религиозных объединений, важнейшие из которых предусматривали:

- включение в региональный компонент образования учебных предметов и курсов, направленных на приобщение школьников к ценностям традиционных религиозных культур народов России с учетом законных прав и интересов всех участников образовательного процесса;
- подготовку и издание соответствующего учебного пособия (с хрестоматией) для учащихся старших классов средних общеобразовательных учреждений в качестве дополнительного факультативного учебного материала к курсу отечественной истории.

В 2003 г. вышла в свет книга кандидата юридических наук, директора Института государственно-конфессиональных отношений и права Игоря Владиславовича Понкина **«Правовые основы светскости государства и образования»** (М., 2003).

В гл. 6 этой книги рассматриваются следующие вопросы:

- признаки светского характера образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в Российской Федерации;
- понятие религиозного образования;

¹ Материалы конференции опубликованы в сборнике: Взаимодействие государства и религиозных объединений в сфере образования. Материалы научно-практической конференции (10–11 октября 2002 г.). – М., 2003.

- правовые основы реализации религиозного образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях;
- обзор зарубежного законодательства о религиозном образовании в светских школах;
- анализ доклада Министерства национального образования Франции «Преподавание в светской школе предметов, касающихся религии» (февраль 2002 г.);
- правомерность выражения религиозности в светской школе;
- сотрудничество светского государства и религиозных объединений в реализации религиозного образования.

Исследование И.В.Понкина «**Правовые основы светскости государства и образования**» (М., 2003) помогает найти ответы на целый ряд проблем, означенных в начале настоящей статьи.

Россия переживает период реформирования школы. Этот период совпал с возвращением забытых имен и страниц родной истории. Русская Православная Церковь делает шаги по восстановлению образовательной деятельности в российской школе. Дай Бог, чтобы российская школа стала той доброй почвой, на которой и возрастет обновленная Россия. А для этого в школе нужно сеять разумное, доброе, вечное.